

МЕЖПАРТИЙНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В МАРТЕ 1917 – МАЕ 1918 г.

Представлена характеристика общественной жизни Томской губернии, в динамике показан процесс реформирования властных структур, создания органов самоуправления, советов, отделов политических партий и общественных организаций, исследованы формы и методы их взаимодействия. Выявлены и проанализированы причины смены политических симпатий и мотиваций основных групп населения в период с марта 1917 г. по май 1918 г.

1917 г. стал важной вехой в истории России. С одной стороны, именно тогда обострились и вырвались наружу противоречия, копившиеся в течение предыдущих десятилетий, с другой – страна оказалась перед выбором пути своего дальнейшего развития, выбором между гражданским обществом и диктатурой. Российскому обществу пришлось делать этот выбор в сложных условиях, массы людей становились активными участниками исторического процесса, его творцами. Они стремились реализовать свои цели через различные объединения, властные структуры, органы местного самоуправления, политические партии, общественные организации. Содержание общественной жизни в период революции во многом определялось взаимодействием и противоборством различных социальных групп, изменением их политических симпатий и мотиваций.

Интерес исследователей к изучению революций, заметно возросший в последние два десятилетия, был связан с возможностью применения качественно новых подходов, с необходимостью «уяснить факторы, повернувшие эволюционное развитие страны к тем социальным взрывам, которые называются революциями» [1. С. 95–96]. Также следует отметить, что глубокие изменения, произошедшие в нашей стране в 80–90-е гг. XX в., потребовали объективного и тщательного осмысления процессов, которые происходили в стране в периоды революционных разломов. Определение места России в масштабах современной цивилизации невозможно без анализа исторического опыта с учетом всех ее успехов и неудач.

Воссоздание объективной картины революции во всей ее многоплановости и многомерности невозможно без обращения к локальной истории. Как справедливо отмечает Б.Г. Могильницкий, «локальные или региональные исследования, воплощающие диалектическую связь особенного и общего, составляют важное условие» достижения исторического синтеза [2. С. 27]. Локальный аспект позволяет определить конкретно-историческое содержание революционного процесса, исследовать его специфические характеристики, выявить векторы общественного развития в контексте событий всероссийского и регионального масштаба.

Томская губерния к февралю 1917 г. была одним из крупнейших сибирских регионов. Она включала в себя современные Кемеровскую, Новосибирскую, Томскую области, а до лета 1917 г. и территорию нынешнего Алтайского края. Освоение природных богатств Сибири, начавшееся на рубеже XIX–XX вв., ускорило ее экономическое развитие, привело к изменению социальной структуры общества. В 1917 г. Томская губерния оказалась в числе тех регионов, в которых преобразования проходили с наибольшей остротой, вызыва-

ли резкое снижение уровня жизни, вели к обострению социальных проблем. Особенности социально-экономического развития Томской губернии во многом обусловили специфику общественно-политической жизни Сибири в революционный период и наложили отпечаток на развитие политического процесса во всей стране.

Первые попытки осмыслить развитие революционного процесса в Сибири, охарактеризовать межпартийные и социально-классовые отношения в регионе были предприняты известными общественными деятелями края Г.Н. Потаниным, В.М. Крутовским, В.П. Денисовым, Б.М. Ганом, Д.И. Розенбергом и др. В газетных и журнальных публикациях анализировались происходящие события, освещалась деятельность политических партий, общественных организаций и социальных групп, давались прогнозы на будущее. Хотя эти работы носили не исторический, а публицистический характер, а оценки авторов были во многом субъективны и определялись текущим моментом, в статьях содержится анализ изменений общественного сознания и психоментальных установок масс, и они представляют несомненный интерес для исследования.

Советские историки, исследуя революционный процесс, действовали в рамках марксистской концепции о неизбежности и закономерности классовой борьбы, осуществлении социалистической революции и перехода к социализму. Поэтому в советской историографии революции доминировал жесткий классовый подход, преимущественно изучалась деятельность большевистской партии и подконтрольных им организаций (советов, профсоюзов, фабзавкомов), а буржуазные и мелкобуржуазные партии и слои были зачислены в лагерь контрреволюции. В то же время следует подчеркнуть, что позитивные результаты были достигнуты в изучении классов и социальных групп (И.М. Разгон, Л.М. Горюшкин, Д.М. Зольников, В.П. Зиновьев, В.А. Кадейкин, С.А. Красильников, В.Л. Соскин), органов местного самоуправления (Е.М. Бабикова), политических партий (Э.И. Черняк, А.А. Бондаренко, И.А. Шинкарьюк). В работах этих исследователей, и сегодня не утративших научной значимости, содержатся сведения о целом комплексе характеристик: о структуре, размещении, численности отделов политических партий и общественных организаций, формах и методах их деятельности, взаимодействия между собой и с органами власти.

С конца 1980-х гг. в связи с изменившейся ситуацией в стране существенно расширились рамки исследований, стали широко применяться новые подходы и методы изучения общественной жизни и различных ее проявлений. Освобождение от идеологических стереотипов позволило историкам качественно изменить под-

ходы как к изучению истории революции в целом, так и отдельных ее аспектов.

Среди работ последних лет наибольший интерес для нас представляют комплексные исследования общественно-политической жизни Сибири представленные в монографиях Н.С. Ларькова, Э.И. Черняка и М.В. Шиловского. Значительно повысился интерес к изучению сибирских отделов непролетарских партий и объединений: кадетов (Л.М. Коломыцева), эсеров (А.В. Добровольский), анархистов (А.А. Штырбул). Заслуживают внимания исследования В.Г. Зыковой и Т.В. Якимовой, посвященные истории сибирского крестьянства. Плодотворна деятельность научного коллектива во главе с И.В. Нам по изучению национальных диаспор Сибири.

Современные подходы, основанные на отказе от марксистских догм и направленные на объективное и всестороннее изучение исторического процесса, введение в научный оборот новых источников – все это обеспечило достижение значительных результатов в изучении отдельных направлений социально-политической жизни Сибири в 1917–1918 гг. Однако указанные исследования охватывают лишь отдельные аспекты проблемы, не решая ее комплексно. В связи с этим и определена цель данной работы: комплексная характеристика межпартийных и социально-классовых отношений в Томской губернии в период с марта 1917 г. по май 1918 г. Для реализации данной цели представляется необходимым уточнить показатели численности и размещения органов местного самоуправления, советов, отделов политических партий и общественных организаций; проанализировать характер их отношений между собой и с властными структурами, исследовать изменения в их статусе и формах деятельности, определить степень их влияния на общественную жизнь региона, проанализировать причины смены их политических симпатий и психосоциальных мотиваций социальных групп населения губернии.

Объект исследования составляют органы местного самоуправления, отделы политических партий, общественные организации, профсоюзы, их состав, структура, функции, сфера действия и влияния, а предметом исследования стали социально-политические процессы, происходившие в ходе их социальной жизнедеятельности и взаимодействия с властью, между собой, различными социальными слоями и группами. Территориальные рамки исследования охватывают Томскую губернию в ее границах летом 1917 г. (после выделения из нее Алтайской губернии). Хронологическими рамками исследования являются Февральская революция и свержение советской власти в Сибири в конце мая 1918 г. Для системного анализа выделены подпериоды: 1) март – октябрь 1917 г.; 2) ноябрь 1917 – май 1918 г. Выделение этих этапов связано с существенными изменениями характера межпартийных и социально-классовых отношений, с изменениями политических симпатий и мотиваций различных социальных групп.

Февральская революция стала важной вехой в истории России. Она открыла путь для глубоких демократических преобразований общества, побудила к действию широкие народные массы. Декларацией 2 марта 1917 г. Временное правительство, по сути, провозгла-

сило курс на создание правового государства, а его постановления обеспечили законодательную базу для создания и деятельности органов местного самоуправления, политических партий, общественных организаций, для реализации политических прав и свобод.

В первые мартовские дни повсеместно проводились митинги, демонстрации, торжественные молебны. В адрес новой власти направляли приветствия общественные организации, трудовые коллективы, собрания и митинги граждан. С деятельностью Временного правительства общество связывало надежды на реализацию идеи народовластия и широкую демократизацию всех сфер жизни.

В первые дни марта 1917 г. на местах по инициативе масс стали создаваться органы местного самоуправления, которые получили общее название Комитеты общественной безопасности (КОБы). Томский комитет общественного порядка и безопасности (он вскоре стал называться губернским) отстранил губернатора от власти, принял меры к расформированию полиции и замене ее милицией. В первые дни марта 1917 г. КОБы были образованы во всех городах и рабочих поселках Томской губернии. В сельской местности формирование комитетов растянулось до конца марта. Комитеты формировались на многопартийной основе, через них воплощалась в жизнь идея широкой демократической коалиции.

Параллельно с КОБаи в городах и рабочих поселках Сибири весной 1917 г. создавались Советы рабочих и солдатских депутатов. В Томске 5 марта был создан Совет солдатских депутатов Томского гарнизона, а Совет рабочих депутатов – только 29 марта. Как отмечала В.А. Соловьева, «...рабочих Томска, разбросанных по мелким предприятиям кустарного и полукустарного типа, организовать в совет оказалось делом сложным» [3. С. 138].

В марте – апреле Советы были образованы на всех крупных предприятиях и в большинстве уездных центров. В дальнейшем в строительство Советов включились рабочие отдаленных приисков, разведок и небольших станционных поселков. Советы формировались на многопартийной основе, но весной – летом 1917 г. в их руководстве преобладали эсеры и меньшевики. Они видели залог укрепления широкой демократической коалиции в многопартийности Советов. В первые послефевральские месяцы Советы ставили перед собой задачи, направленные на демократизацию жизни, закрепление завоеваний революции и защиту интересов трудящихся перед местными властями и администрацией предприятий.

В Томской губернии, как и по всей стране, весной 1917 г. происходил бурный рост партийных организаций, росло их количество и численность, проводились съезды общественно-политических объединений. Представители политических сил включались в работу органов местного самоуправления и общественных организаций. В Томске с 3 марта легально стала действовать объединенная социал-демократическая организация. 9 марта начал работу Томский комитет ПСР. 12 марта оформился Томский комитет Партии народной свободы (кадетов). С марта в Томске действовала группа анархистов во главе с Е.Д. Ключевым и Д.М. Третьяковым.

В Новониколаевске 6 марта начал работу комитет РСДРП, 7 марта – комитет ПСР, 11 марта – Сибирский союз независимых социалистов-федералистов.

Политические партии, получив трибуну для широкой пропаганды своих идей, повели борьбу за массы. Процесс партийного строительства уже в марте 1917 г. перешагнул рамки губернского центра. В Новониколаевске, Мариинске, Тайге, на Анжерских, Судженских, Кольчугинских копиях, Кемеровском химзаводе оформились организации ПСР и РСДРП.

К 1917 г. в Томской губернии насчитывалось свыше 200 общественных организаций, большая часть из которых находилась в Томске. После Февральской революции перед большинством из них встал вопрос о деятельности в изменившихся условиях. В первые дни марта страницы губернских газет запестрели объявлениями о проведении экстренных собраний, на которые выносились вопросы о текущих событиях. Весной 1917 г. свои организации стали создавать различные категории населения. Широко развернулись женское и молодежное движения. Весной 1917 г. в Томске оформилась организация солдат, в Томске и Тайге союзы солдаток, в Колпашеве Союз батраков и фронтовиков [4. 28 марта; 5. 28 июля; 6. С. 225; 7. С. 47].

Самыми массовыми крестьянскими организациями в Сибири стали крестьянские союзы, инициатива организации которых принадлежала эсерам. Только в Мариинском уезде к середине июня было создано около 40 союзов. В Томском уезде к сентябрю 1917 г. общая численность членов крестьянских союзов определялась в 3 тыс. чел. [8. С. 68].

Февральская революция вызвала мощный всплеск национального самосознания. Уже в первые мартовские дни 1917 г. представители национальных диаспор, проживающих в Сибири, провели собрания и сформировали свои организации. В Томске в течение марта такие организации были созданы мусульманами, украинцами, латышами, поляками, грузинами, в Новониколаевске – эстонцами, поляками, литовцами, мусульманами. На собраниях этнических групп в начале марта приветствовалась новая власть, выражались надежды на разрешение национальных проблем.

В первой половине марта 1917 г. общественные организации по степени организованности нередко превосходили местные отделы политических партий, многие из которых только начинали формироваться. Они активно приняли участие в создании органов местного самоуправления, выступали инициаторами создания профсоюзов, вели широкую агитационную работу.

После Февральской революции резко возросла активность рабочих и служащих. Возможность легальной профессиональной деятельности открывала перед трудящимися широкие возможности для борьбы за 8-часовой рабочий день, повышение заработной платы, гражданские права, улучшение условий жизни. Процесс самоорганизации масс захватил широкие слои сибирского населения. С марта по июнь 1917 г. в Томской губернии было создано 126 профсоюзов. Из них 47 было создано в Томске, 26 – в Новониколаевске, 7 – в уездных центрах и 46 – в рабочих поселках. К июню 1917 г. профсоюзы стали основными организациями, выражающими профессиональные интересы сибирских трудящихся.

Идея единения, сотрудничества различных социальных слоев, политических и общественных организаций была весьма популярна в первые послефевральские месяцы. В марте 1917 г. в Томской губернии стала складываться коалиция демократических сил, взявшая курс на решение жизненно важных вопросов. В этот период межпартийные разногласия отошли на второй план, политические партии стремились к объединению сил для закрепления завоеваний революции и проведения демократических преобразований. Популярна была и идея социального мира. Представители сядились за стол переговоров с рабочими, выражали готовность идти на уступки, а порой и по собственной инициативе шли на увеличение заработной платы и сокращение рабочего дня.

Однако уже в апреле 1917 г. стали проявляться межпартийные и классовые противоречия. Более жесткий курс в отношении рабочих взяли предприниматели, они уже не столь охотно, как в марте, шли на уступки, обвиняли рабочих в завышенных требованиях. Между кадетами и социалистами возникли разногласия по вопросу о формировании в губернии легитимных муниципальных структур – Народных собраний. В ходе кампании усилился накал межпартийной борьбы, но в целом она не выходила за рамки политической дискуссии.

На выборах в Народные собрания социалисты одержали убедительную победу. В Томском губернском собрании 65% мест получили эсеры и им сочувствующие, около 10% – социал-демократы и им сочувствующие. В Новониколаевске из 80 членов городского Народного собрания 67 были эсерами, 5 – меньшевиками, 2 – большевиками [9. 27 апр.; 10. С. 234–235; 11. С. 89–91].

Формирование Народных собраний растянулось до середины лета 1917 г. В Мариинске уездное Народное собрание начало работу уже 21 марта, в Новониколаевске – 25 апреля, в Тайге – в начале мая, а на Судженских копиях – только к концу июля. К середине лета 1917 г. в Томской губернии повсеместно КОБы были заменены исполнительными комитетами, на которые возлагалось выполнение решений Народных собраний. В губернии оформилась новая структура органов местной власти. Высшим законодательными органами стали губернское, городские, уездные и волостные Народные собрания, а исполнительными – соответствующие исполнительные комитеты.

К лету 1917 г. усилились отделы политических партий, во влиятельную силу превратились профсоюзы и Советы. Последние в ряде промышленных центров фактически подчинили себе органы местного самоуправления и установили контроль над производством. В совместной работе Советов и профсоюзов довольно четко проявились три основных направления деятельности. Во-первых, это борьба за улучшение условий труда и быта различных категорий работников, во-вторых, борьба за производство и, в-третьих, культурно-просветительная деятельность.

В этих условиях заметно ослабло влияние общественных организаций. Большинство из них свело свою деятельность к организации развлекательных и благотворительных мероприятий. С политической арены они были вытеснены политическими партиями, в рядах

которых оказались многие руководители и активисты различных общественных объединений.

Политизация масс в Сибири во многом была связана с развитием событий в центре и борьбой политических партий на местах. Реакцией на июльские события стали организованные большевиками массовые демонстрации в Новониколаевске, Томске, Анжерских и Судженских коях. Их участники выражали недоверие Временному правительству, требовали передаче власти Советам. В то же время следует отметить, что до конца августа 1917 г. требования о передаче власти Советам выдвигали лишь отдельные рабочие коллективы, партийные и общественные организации, и эти требования, как правило, не были наполнены конкретным содержанием.

Существенное влияние на политизацию и радикализацию масс оказала корниловщина. В конце августа – начале сентября в городах и рабочих поселках на собраниях и митингах принимались резолюции в поддержку правительства и Советов, указывалось на необходимость их совместных действий по защите завоеваний революции, создавались комитеты спасения революции, поддерживавшие Временное правительство.

К осени 1917 г. большевикам удалось укрепить свои позиции среди рабочих Томска, Новониколаевска, промышленных центров Кузбасса. По свидетельству В. Вегмана, «хотя в рабочих организациях преобладали эсеры и меньшевики, союзная масса гнула большевистскую линию» [12. С. 109]. В конце августа – начале сентября самостоятельные большевистские организации оформились в Томске, Новониколаевске, Каинске, Кузнецке, Кольчугино, на Анжерских, Судженских, Кемеровских коях, Кемеровском и Яшкинском заводах, в Тайге, Топках, на строительстве Кольчугинской железной дороги.

Поддержка большевиков в рабочей среде была во многом обусловлена той антибуржуазной пропагандой, которая широко развернулась в стране. В либеральной сибирской прессе с тревогой отмечалось, что в массах ругают «буржуев» на чем свет стоит, требуют их избиения, погрома или ареста [13. С. 7]. К осени несбывшиеся социальные ожидания масс порождали все большее недовольство, выплескивались наружу в форме забастовок, захватов предприятий, самосудов. В массовом сознании все чаще с «буржуями» ассоциировались представители интеллигенции и служащих.

Изменение политических взглядов масс во многом определялось и экономической ситуацией в регионе. К осени 1917 г. в промышленных центрах кризис достиг невероятных размеров. В глазах значительной части сибирских трудящихся Временное правительство выглядело главным виновником всех бедствий. Томский губернский комиссар Б.М. Ган в статье «У кризиса революции», опубликованной в ноябрьском номере журнала «Школа и жизнь Сибири», предупреждал: «Нетерпеливость масс в связи с неизбежным неуспехом и правительства третьей коалиции в деле упразднения голода выдвигает на политическую сцену силу, готовую достигать цель революции утопическими средствами» [14. С. 10].

Утрата демократических идеалов вела к тому, что популизм и социальная демагогия находили все более активную поддержку среди рабочих и солдат. Соци-

альный конфликт вовлекал в свою орбиту все новые социальные слои и группы. К осени 1917 г. в общественном сознании стала разрушаться надежда на достижение социального мира.

Однако к ноябрю 1917 г. подавляющее большинство сибирских Советов сохраняло свой коалиционный состав. Требование перехода власти к Советам не совпадало с требованием установления диктатуры пролетариата. Значительная часть сибирских большевиков, левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов понимали под передачей власти Советам не уничтожение капиталистических отношений вообще, а установление жесткого государственного контроля над буржуазией, ограничение ее прибылей, ликвидацию пережитков феодализма, решение аграрного вопроса, принятие рабочего законодательства. Власть Советов понималась как власть коалиции социалистических партий в рамках буржуазной демократии, опирающаяся на широкую массовую поддержку. О вооруженном захвате власти вопрос не ставили даже сибирские большевики. К осени 1917 г. лишь незначительная часть трудящихся Сибири поддерживала требование о передаче власти Советам. Поэтому процесс установления советской власти в Сибири не стал ее «триумфальным шествием». Он проходил под влиянием событий в центре и был связан с ужесточением борьбы между политическими партиями за влияние на массы в Советах и общественных организациях.

В конце лета – осенью 1917 г. в Томской губернии проходили выборы в земства и городские самоуправления, началась кампания по выборам в Учредительное собрание. В ходе выборов отчетливо проявились противоречия между большевиками и остальными социалистическими партиями. В Барабинске, Новониколаевске, Мариинске убедительную победу на муниципальных выборах одержали эсеры. «Победили кадеты и большевики», – писали эсеро-меньшевистские газеты.

Установление советской власти в Томской губернии имело свою специфику. Томские большевики, не имея достаточных сил в городе и губернии, пошли на союз с меньшевиками и эсерами, создав 27 октября 1917 г. Коалиционный революционный комитет Томской губернии. Ревком обратился с воззванием к населению губернии, в котором отметил, что он будет добиваться перехода власти в руки Советов, решительно бороться со всеми контрреволюционными выступлениями против них, революционных организаций и местных революционно-демократических самоуправлений; призвал быть готовыми к отпору контрреволюции и не прерывать работы по выборам в Учредительное собрание [4. 29 окт.; 15. С. 158].

Однако коалиция оказалась непрочной. В ходе выборной кампании в Учредительное собрание произошло сближение антибольшевистских сил. Большевик Ф.А. Крылов, вспоминая о положении в Томске после Октябрьского переворота, писал: «Во время выборов в “учредилровку” все эсеры, энесы, кадеты, меньшевики выступали против большевиков» [16. С. 34].

Результаты выборов в Учредительное собрание продемонстрировал углубляющийся раскол в массах. Томичи отдали 29% голосов за кадетов, 23% – за большевиков, 22% – за эсеров. С учетом голосов солдат Томского гарнизона окончательно голоса по Томску

распределились следующим образом: за большевиков – 40%, за эсеров – 23%, за кадетов – 20%. В целом по губернии с огромным отрывом от соперников лидировали эсеры, а большевикам удалось набрать лишь 10% голосов [17. Л. 36; 18. 18–26 нояб.; 19. 21–23 нояб.; 20. С. 212–217].

Выборы показали, что большевики не имели шансов прийти к власти демократическим путем. В этих условиях губернский Совет медлил с решением вопроса о власти. Его позиция подверглась резкой критике на совещании большевиков Томской губернии 24 ноября 1917 г.

Только 6 декабря 1917 г. исполнительный комитет Томского совета рабочих и солдатских депутатов заявил о том, что он является представителем верховной власти в Томске. Представители Совета, избранные в состав губернской земской управы, возглавили ряд отделов, и 24 декабря губернская земская управа, сформированная на многопартийной основе, приступила к исполнению своих обязанностей. Однако если в Томске между Советом и земской управой был найден компромисс, то в рабочих поселках после перехода власти к Советам органы местного самоуправления были распущены. К концу 1917 г. взяли власть в свои руки Советы Новониколаевска, Мариинских приисков, Судженских копей, в январе 1918 г. Анжерских, Кольчугинских копей и Тайги. Иной была ситуация в уездных центрах и сельской местности, где до весны 1918 г. власть сохранялась в руках местных самоуправлений.

Ощутимый удар по коалиции нанес Чрезвычайный сибирский областной съезд, начавший свою работу 6 декабря 1917 г. 90% участников съезда представляли мелкобуржуазные партии и формирования [21. С. 60–65; 22. С. 111–112]. Съезд постановил не признавать советскую власть, отметил, что «единственным источником зарождавшейся власти среди царящего безвластия может быть только Всероссийское Учредительное собрание», и призвал народы России к борьбе с большевиками. Съезд заявил, что в сложившихся условиях вынужден временно создать «общественную социалистическую, от энесов до большевиков включительно, с представительством национальностей власть, в лице Сибирской областной думы и ее исполнительного органа, ответственного перед Областной думой» [23. С. 142–143].

Существенно повлиял на расстановку политических сил в губернии разгон Учредительного собрания. 8 января состоялось экстренное заседание Томской городской думы. От имени объединенных меньшевиков и Бунда выступил Д.И. Розенберг, который показал «всю непримиримость теперешнего большевизма с принципами демократии народовластия, всю утопичность попыток большевиков превратить бедную и отсталую Россию в социалистическое царство». Думой была принята резолюция, осуждающая насилия большевиков и призывающая население губернии встать на путь охраны и защиты Учредительного собрания [24. 11 янв.].

После разгона Учредительного собрания и последовавшего в конце января ареста депутатов Сибирской областной думы уже была исключена возможность коалиции большевиков с эсерами и меньшевиками, однако стала складываться коалиция последних с кадетами. Эсеры оправдывали этот союз тем, что свергнуть

большевиков необходимо любой ценой, а после ликвидации большевизма они настолько укрепятся, что легко справятся с любой реакцией. Кадеты стремились использовать антисоветские устремления мелкобуржуазных партий в своих целях, хотя эти партии и являлись «полубольшевицкими» [25. С. 26].

Центрами легальной оппозиции большевикам стали органы местного самоуправления, находившиеся под эсеровским влиянием. Большевики терпели земства, поскольку не могли сразу взять на себя их функции в решении организационно-хозяйственных вопросов. В.Г. Зыкова отмечает, что конкретная расстановка политических сил в Томске и губернии и прежде всего проэсеровские позиции губернского и уездного крестьянских Советов не позволили местным большевикам распустить земства до весны 1917 г. В марте – апреле 1918 г. уездные крестьянские съезды, прошедшие под контролем большевиков, приняли решения о роспуске земств. Ликвидация земства на практике вылилась в переподчинение его административно-хозяйственного аппарата новым руководителям или в слиянии земских отделов с советскими организациями [26. С. 37–38; 27. С. 180].

Важным инструментом в борьбе за установление советской власти в регионе стали красногвардейские отряды. Красная гвардия крупных предприятий оказывала содействие в установлении советской власти в уездных центрах, на железнодорожных станциях и в крупных селах. При помощи красногвардейского отряда анжерских шахтеров советская власть была установлена в Тайге, Болотном и Мариинске. Как вспоминал горняк С.П. Суворов, красногвардейский отряд кольчугинских рабочих выехал в Кузнецк и изгнал из властных структур «старых служак эсеров и меньшевиков» [28. Д. 17. Л. 3; Д. 40. Л. 5 об.].

Местные Советы, взяв власть в свои руки, устраняли буржуазно-демократические органы власти, подчиняли себе органы охраны порядка. Переход власти к Советам был связан с изменением приоритетов их деятельности: основным направлением работы стала организация хозяйства. Наличие у Советов властных полномочий позволяло им осуществлять более жесткий контроль над производством и распределением. Одновременно они принимали меры по укреплению дисциплины труда и повышению производительности. В целях укрепления порядка использовались и силовые методы.

Изменился характер отношений Советов с рабочими организациями. Они координировали и направляли работу профсоюзов, рудкомов, рабочих кооперативов, ставили перед ними задачи по организации и развитию производства. Управление рабочими организациями осуществлялось нередко с помощью директив. Все это вызывало резкую критику со стороны эсеров и меньшевиков. 8 января на экстренном заседании Томской городской думы по поводу разгона Учредительного собрания меньшевик Д.И. Розенберг заявил: «У нас власти советов нет! Это фикция. У нас есть партия, которая воспользовалась критическим моментом, воспользовалась трагедией России и захватила власть в свои руки» [24. 18 янв.].

Превращение Советов в органы власти не привело (да и не могло привести) к существенному улучшению положения народных масс. Реквизиции хлеба вызывали

недовольство крестьян. Деятельность Советов часто встречала осуждение мелкобуржуазных слоев, интеллигенции и служащих. Меры, принимаемые Советами по организации производства, привели к тому, что они присвоили себе права и функции владельцев и администрации предприятий. Определение жестких норм выработки, борьба за укрепление дисциплины труда, установление контроля над рабочими организациями вело к тому, что весной 1918 г. доверие к органам советской власти и ее представителям стало снижаться и в рабочих массах.

Подавление оппонентов, зажим критики, аресты недовольных вели к тому, что в настроениях части трудящихся все сильнее проявлялись апатия, равнодушие к деятельности советских органов. Весной 1918 г. в Томске, Новониколаевске, Барабинске, Каинске, Кузнецке, Мариинске, Тайге, на Анжерских, Судженских копях, Кольчугинском руднике активизировалось антисоветское подполье. В ряде сел Кузнецкого, Новониколаевского, Мариинского уездов и Нарымского края произошли антисоветские выступления.

К выступлению белочехов большая часть сибирского населения отнеслась довольно сдержано. На защиту советской власти поднялись лишь отдельные красногвардейские отряды. Более того, значительные отряды рабочих продемонстрировали полное равнодушие к происходящему. По свидетельству уполномоченных Сибирского правительства в Новониколаевске переворот завершился за 40 минут [29. С. 169]. Как вспоминал Н.В. Метелкин, в Кузнецке после получения известия о чехословацком мятеже председатель совдепа А.Г. Петраков на митинге призвал население «к вступлению в ряды Красной гвардии и Красной армии, однако население к призыву отнеслось сдержано, не было высказано желаний о вступлении в ряды Красной гвардии, так же и Красной армии, были отдельные выкрики, являющиеся по своему содержанию антисоветскими» [28. Д. 7. Л. 13].

Направленные на борьбу с белочехами немногочисленные красногвардейские отряды были разбиты. 31 мая чехословацкие части заняли Тайгу и Томск. В Тайге белочехов встречали хлебом-солью, в Мариинске члены сформированного эсерами Временного комитета общественной безопасности встречали чехов как освободителей [30. С. 53]. В Томске «слышалось на каждом перекрестке, что большевики убежали. ...Народ, как угорелый, бежал встречать своих избавителей» [31. С. 48]. Участники Первого губернского делегатского

учительского съезда, проходившего в эти дни в Томске, узнав о свержении советской власти, выразили надежду на наступление лучших времен [23. С. 232].

Период политического компромисса, наступивший после Февраля, оказался недолгим. Уже в марте стали проявляться межпартийные разногласия и социально-классовые противоречия. С развитием революции они обострялись, политические партии искали союзников как среди иных политических партий и течений, так и среди общественных организаций.

В борьбе политических партий за влияние на массы с лета 1917 г. довольно четко оформились два блока: с одной стороны эсеры и меньшевики, с другой – большевики и примыкавшие к ним левые эсеры. Большевики и эсеры, ориентируясь на умеренные слои, поддерживали идею народовластия, выступали за широкое развитие местного самоуправления, за реализацию гражданских прав и свобод. Большевики, в своих интересах используя социально-классовые противоречия, содействовали еще большему их обострению, хотя до конца 1917 г. активно использовали демократическую риторику. После прихода к власти и особенно после разгона Учредительного собрания они стали открыто заявлять об ущербности буржуазной демократии и превосходстве над ней власти Советов, что, по сути, означало оправдание диктатуры их партии. Поправление демократических прав и свобод (ограничение свободы печати, слова, митингов, собраний и т.д.) не только не вызвало массовых акций протеста, но встретило сочувствие и поддержку той части населения, которая была радикально настроена и действовала наиболее активно. Известный областник В.М. Крутовский, характеризую социальную базу большевизма, отмечал, что в поддержку лозунгов «упрощенного острого социального социализма» «на страх и ужас обывателя пошла огромная рать темных людей» [32. С. 57].

Этой «рати» не была понятна суть демократии, она не понимала сути и не принимала ценностей демократии, а делала ставку исключительно на силу. Противники большевиков в этой ситуации пытались идеологически развенчать большевизм, но после бесплодности этих попыток сами все больше стали склоняться к силовому варианту ведения «политических дискуссий». Таким образом, от марта 1917 г. к маю 1918 г. политическая борьба принимала все более жесткие формы и эволюционировала от парламентских методов к насильственным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иоффе Г.З. Почему Февраль? Почему Октябрь? // Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа. М., 1991. С. 95–112.
2. Мозильницкий Б.Г. Революции 1917 г.: новые подходы // Проблемы истории и исторического познания: Сб. науч. ст. Томск, 2001. С. 18–29.
3. Соловьева В.А. Томский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. // Томску 375 лет. Томск, 1979. С. 137–152.
4. Голос свободы. Томск, 1917.
5. Сибирская жизнь. Томск, 1917.
6. История Кузбасса. Кемерово: Кн. изд-во, 1967. Ч. 1–2. 279 с.
7. Зибарев В.А., Родионов А.И. Особенности борьбы за победу социалистической революции и установление советской власти в Северной Сибири // 60 лет Великого Октября и Сибирь. Томск, 1979. С. 45–48.
8. Черняк Э.И. Эсерские организации в Сибири в 1917 – начале 1918 г. (К истории банкротства партии). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 164 с.
9. Голос Сибири. Новониколаевск, 1917.
10. Победа Великого Октября в Сибири. Ч. 1: Февральская революция и двоевластие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 255 с.
11. Бабикова Е.Н. Буржуазные органы власти и самоуправления в Западной Сибири и их ликвидация в 1917–1918 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1976. 342 с.
12. Горняки Сибири. Революция и Гражданская война: Сб. ст. Новосибирск: Изд-во ЦК и Сибкрайкома горнорабочих СССР, 1927. 328 с.

13. *Алтайский крестьянин*. Барнаул, 1917.
14. *Школа и жизнь Сибири*. Томск, 1917–1918. № 2.
15. *Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917–1919 гг.)*: Сб. документ. матер. Томск: Зап.-Сиб. изд-во, 1957. 569 с.
16. *Крылов Ф.А.* Воспоминания о партработе в Томске // *Былое Сибири*. 1923. № 2. С. 31–39.
17. *Государственный архив Новосибирской области (ГАНО)*. Ф. Д-143. Оп. 1. Д. 27.
18. *Знамя революции*. Томск, 1917.
19. *Путь народа*. Томск, 1917.
20. *Ларьков Н.С.* Начало гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 252 с.
21. *Шиловский М.В.* Декабрьский (1917) сибирский чрезвычайный областной съезд // *Сибирь. XX век*. Кемерово, 1999. Вып. 2. С. 60–65.
22. *Шиловский М.В.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 428 с.
23. *Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.)* / Сост. Э.И. Черняк. Томск, 1992. Ч. 1–2. 333 с.
24. *Земская газета*. Томск, 1918. 11 янв.
25. *Шиканов Л.А.* Контрреволюционные силы Сибири в период утверждения советской власти // *Из истории революций в России (первая четверть XX в.)*: Матер. Всерос. симп., посвящ. памяти проф. И.М. Разгона. Томск, 1996. Вып. 2. С. 22–28.
26. *Зыкова В.Г.* К вопросу о земском самоуправлении в Томске // *Гражданское общество и региональное развитие*: Матер. науч.-практ. конф. Томск, 1994. С. 37–38.
27. *Зыкова В.Г.* Советы и земство в сибирской деревне в период установления советской власти // *Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири (1905–1920 гг.)*. Томск, 1982. С. 179–186.
28. *Государственный архив Кемеровской области (ГАКО)*. Ф. П-483. Оп. 1.
29. *Максаков В., Турунов А.* Хроника гражданской войны в Сибири (1917 – 1918). М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 299 с.
30. *Томские железнодорожники на путях к Советам: Воспоминания и очерки из истории союза железнодорожников на Томской железной дороге с 1905 по 1927 год*. Томск: Изд-во Дорпрофсожа Томской ж.д., 1928. 92 с.
31. *Глухарев*. Мои воспоминания // *Былое Сибири*. 1923. № 2. С. 46–54.
32. *Сибирские записки*. Красноярск, 1918. № 1–2. С. 57.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 апреля 2008 г.